

Виталий СВИНЦОВ

Философия борьбизма

- Сознательный?..
- Не! Не вписывался. А ты?
- Я? Уполне. Боле некуда. С Марксой, как примерно с тобой.
- Чего ж он?.. Ко дворам скоро ль отпустит?
- Покель, говорит, весь капитал не прикончу... Сперва расейский капитал расшибу, пося на заграничный гребнузь.
- И-и, едят те мухи! Опять баба сама коси.

Диалог времен гражданской войны
(К. Трнев. Любовь Яровая)

Совсем недавно было хорошо известно, что не только Волга впадает в Каспийское море, а лошади едят овес, но еще и материя первична. Сознание же, напротив, вторично. Не было сомнений и в окончательном торжестве материализма над идеализмом, а диалектики — над недиалектическим мышлением. Потому что материализм в сочетании с диалектикой (диалектический материализм) есть мировоззрение рабочего класса и его партии, тогда как идеализм и метафизика — не более чем идеологическое оружие реакционных классов, дни которых сочтены.

Это называлось принципом партийности в философии.

Партийность по-новоязовски

Во всех цивилизованных языках мира слова «партийный», «партийность» означают то, что и должны означать,— принадлежность к какой-либо политической партии¹. И лишь в совковом новоязе с присущим ему косноязычием фиксируется еще одно значение термина: «Идейная направленность мировоззрения, философии, общественных наук, литературы и искусства, выражающая интересы определенных классов и социальных групп»². Все советские энциклопедии (в том числе и последних лет) взхлеб толкуют именно об этом значении термина, а, например, в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) ему отведено аж две страницы убористого шрифта — для изданий такого рода объем немалый.

В дореволюционных русских словарях ничего подобного вы, разумеется, не найдете;

¹ Хотя это самоочевидно, все же сошлюсь на одно из последних изданий Уэбстера: Webster New World Dictionary. Simon & Schuster, 1981, p. 698.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 972.

заслуга лексико-семантического сдвига, безусловно, принадлежит большевикам, персонально же прежде всего В. Ленину. Еще в статье «Партийная организация и партийная литература» (1905), ставшей впоследствии основой сотен монографий и диссертаций, под словом «партийность» понимается именно партийная принадлежность литератора. Иными словами, критерий партийности здесь так же прост, как в вышеприведенном диалоге пламенных революционных лет: «вписывался» ты в «сознательные» или нет. Если «вписывался», если организационно оформил свое пребывание в партии, то будь любезен соблюдать ее дисциплину, не согласен — выходи из партии. Только и всего.

Смысловое смещение, этакая невнятная, но уже зловещая экстраполяция термина «партийность» обнаружилась лишь спустя четыре года в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (ставшей впоследствии основой уже тысяч, если не десятков тысяч статей, монографий и диссертаций). Здесь-то, в частности, и говорилось, что «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад». Из этого следовало, что не только философы-современники Ленина, но и древние мыслители — Гераклит, Платон, Демокрит, Сократ и другие, сами того не ведая, были партийными. Великий вождь «вписал» их, как будет видно из дальнейшего, кого в «сознательные», а кого — совсем наоборот. Об этом, о специфике собственно философской партийности, чуть ниже. Пока отмечу, что эволюция значения слова «партийность», безусловно, связана с политической экспансией «партии нового типа», с раздвиганием ее организационных основ, их распространением на духовную сферу социальной жизни.

Но это было лишь невинным началом. Через полтора десятка лет, когда большевики закрепились у власти, одна за другой были «партизированы» все общественные науки, художественная литература, сфера искусства. В конце концов дело дошло до борьбы за «чистоту марксистско-ленинской линии в естествознании» (из материалов заседания Президиума Коммунистической академии в 1931 году).

Да что там естествознание! Вышеупомянутый «Советский энциклопедический словарь» утверждает, что в широком смысле партийность есть «принцип поведения людей». А поскольку поведение каждого человека вольно или невольно связано с какими-то принципами, то отсюда следует, что феномен партийности в большевистском его понимании универсален. И хочешь ты этого, дружище, или нет, ан вдруг оказываешься «вписанным».

Вот что такое партийность по-новоязовски.

Три эпизода из жизни слова «сволочь»

Но вернемся к философии, где, как уже было сказано, принцип партийности связывался прежде всего с конфронтацией материализма и идеализма. Любопытно, что проблему соотношения материи и духа (что первично?) Ф. Энгельс впервые назвал основным вопросом философии на склоне лет (1886 год). Ранее ни Маркс, ни сам Энгельс не прибегали к столь резкому противопоставлению материализма и идеализма. С точки зрения современной философии выделение какой-то одной проблемы в качестве основной по отношению к другим, не основным, не может быть сочтено достаточно корректным. Приоритетность той или иной проблематики каждым философским течением решается самостоятельно, так сказать, для своих нужд. Это может быть проблема цели и смысла человеческой жизни, проблемы логики и механизмов познания и т. д. (Что, разумеется, не снимает значимости вопроса о соотношении материального и духовного.)

Если Энгельс писал, что, сообразно решению «основного вопроса», философы разделились на «два лагеря», то Ленин в упомянутой книге предпочитает прямо говорить о философских «партиях». Один из параграфов так и назван: «Партии в философии и философские безголовцы» (вторая часть заголовка заслуживает особого внимания, но об этом далее).

Изначально заряженный политическим экстремизмом и нетерпимостью к любому инакомыслию Ленин патологически ненавидел религию и идеализм. Его высказывания о религии хорошо известны. Я хотел бы дополнить их одним теоретическим эпизодом, имеющим отношение к идеализму. Конспектируя лекции Гегеля по истории философии и оценивая гегелевскую трактовку философии Эпикура (по мнению Гегеля, эта философия совместима с идеей Бога), Ленин заметил на полях конспекта: «бога жалко!! сволочь идеалистическая!!».

Конечно, дневниковые записи — дело, так сказать, интимное. Однако известно, какое значение впоследствии придавалось каждой запятой вождя в изданных миллионными тиражами «Философских тетрадах». К тому же, возвращаясь к семантической эволюции слова «партийность», автор этих строк хотел бы лично засвидетельствовать, что в 50-е годы в аудиториях МГУ ленинские слова рассматривались ведущими профессорами как образец коммунистической партийности в философии. Хлесткое «сволочь» возводилось чуть ли не в ранг научной характеристики враждебной философской «партии».

Ленин конспектировал лекции Гегеля в 1915 году, до революции оставалось всего ничего, и в ближайшей исторической перспективе эта квалификация идеализма на уровне площадной брани приобретала вполне определенный смысл. Судьба идеалистической «партии» в России была фактически предreshена.

Известно, что по чудовищному указанию Ленина было расстреляно «как можно больше» представителей духовенства. Идеалистической «партии», по крайней мере поначалу, в этом смысле повезло: значительная часть ее выдающихся деятелей осенью 1922 года была выслана за рубеж, избежала физического уничтожения³. Как совместить этот факт с суровой коммунистической партийностью в философии? Иногда приходится слышать, что на фоне последующих событий массовое изгнание в 1922 году было едва ли не проявлением коммунистического гуманизма. Действительно, очень скоро в стране были приведены в действие куда более крутые формы «идеологической борьбы пролетариата» (применительно к философскому инакомыслию - расправа с П. Флоренским и Г. Шпетом, долготелее заточение А. Лосева и т. д.). Вряд ли, однако, ото «милосердие» диктовалось гуманными соображениями. По мнению одного из изгнанников — И. Лосского, — сравнительная мягкость репрессий объяснялась тем, что именно осенью 1922 года советское правительство повело дипломатические переговоры об официальном международном признании, «и большевики хотели, очевидно, показать, что их режим не есть варварская деспотия». Лосский вспоминает такую деталь: «молодой чекист, беседуя с нами, сказал: „Наши старшие решили выслать вас за границу, а, по-моему, вас надо просто к стенке поставить“, т. е. расстрелять. Он сказал это без всякой злости, таким добродушным тоном, что нельзя было возмутиться его простодушной бессознательной жестокостью».

Революционное «к стенке» - не только внешнее простонародное выражение сурового стиля эпохи, как оказалось, вполне совместимое с коммунистическим новоязом. Это единый эмоционально-экспрессивный пласт, характерный для лексики и менталитета коммунистической партийности, демонстративно игнорировавших буржуазно-интеллигентские словесные «сложности». Сфера конфронтации философских «партий» в этом плане не стала исключением.

Авторы последнего, широко разрекламированного в свое время, вузовского учебника «Введение в философию» (1990) лицемерно сокрушаются по поводу того, что в «последленинский период» философские дискуссии по своей форме стали «далеки от научной полемики»; в них, представьте, даже появились «грубые и крепкие эпитеты». Вслед за гоголевскими дамами воскликнем: ах, какой пассаж, какой реприманд неожиданный! И впору поверить бы, что лишь после смерти Ильича из ничего выросла эта бяка, если бы не факты славного прошлого идеологической борьбы. Те же упомянутые «философские безголовцы» Ленина. Или набор эпитетов из его же статьи о Каутском: «буржуазный сикофант», «мещанин», «убогий тупица», «литературный мошенник», «негодяй», которому место в «помойной яме ренегатов». Да и милое словечко «сволочь», некогда интимно начертанное на полях философского конспекта, со временем выходит на простор, обретает полноправное литературное гражданство как вполне партийное средство теоретической полемики. Арестованный и вскоре также выгнанный за пределы страны историк С. Мельгунов на одном из допросов обратил внимание Ф. Дзержинского (тогда это еще было возможно) на тот факт, что «в большевистской печати слово «сволочь» становится не только излюбленным, но, пожалуй, одним из наиболее мягких ругательных приемов по отношению ко всем противникам советской власти»⁴.

Чтобы уж завершить наше скромное исследование выдающейся роли слова «сволочь»

³ Говоря о высланных ученых как об идеалистах, я следую партийно-коммунистическому новоязу, поскольку в действительности далеко не все они были таковыми (а научные интересы некоторых, например П. Сорокина, вообще находились в стороне от данной проблематики).

⁴ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 2 (ч. 3). Париж, 1964, с. 37.

в лексико-семантическом фундаменте большевистской партийности, обратим внимание на третий эпизод из его славного прошлого. Он связан с тем вниманием к литературе и искусству, которое было характерно для гения всех времен и народов. Известно, что, начертав «сволочь» красным карандашом на рукописи одного из рассказов А. Платонова, вождь прогрессивного человечества надолго отлучил писателя от нормальной литературной жизни. Отсюда протянулись ждановские щупальца-эпитеты «подонок литературы» и «помесь блудницы с монахиней» к М. Зощенко и А. Ахматовой.

Так что не будем лицемерить. Как по-большевистски круто выразился в одной из своих философских статей «ценнейший и крупнейший теоретик партии» Н. Бухарин, оставим другим «прогорклую жвачку, достойную ученых коров либерализма». Признаем, что большевистская партийность, будучи страстной и боевитой, всегда чуралась интеллигентских полемических изысков.

Итак, под аккомпанемент революционного улюлюкания и партийно-гепеушной канцелярщины (подчас на грани с матерщиной) были изгнаны из страны выдающиеся деятели ее культуры, в том числе и те, кому суждено было за рубежом прославить русскую философскую мысль. Неповторимый П. Бердяев, создатель оригинального русского варианта экзистенциализма. Общепризнанный авторитет в вопросах Православия и Церковности О. С. Булгаков. Многогранный — от логических исследований до капитальных историко-философских трудов — Н. Лосский. П. Сорокин, вскоре ставший одним из самых выдающихся представителей тогда еще только зарождавшейся науки — социологии. В этом конспективном перечне, пожалуй, следует сказать о Сорокине хотя бы еще несколько слов — и не только потому, что накануне изгнания он удостоился зловещего замечания Ленина (в статье «О значении воинствующего материализма»). Дело в том, что с именем Сорокина связано становление теории социальной стратификации и мобильности, которая, по распространенному мнению, дает наиболее полную с точки зрения современной науки анатомию общества. В сравнении с ней превозносимая большевиками марксистская теория классов, учитывающая лишь несколько параметров социальной дифференциации, — все равно, что плоское изображение объекта в сравнении с объемным, соло на пастушьем рожке в сравнении с полифонией симфонического оркестра... «Не будет никаким преувеличением, — пишет А. Согомонов, исследователь творчества социолога — на исходе XX века сказать, что Питирим Александрович Сорокин — самая выдающаяся фигура на социологическом небосклоне нашего столетия»⁵. За этим пунктирно намеченным рядом интеллектуальных величин мирового масштаба стоит группа таких незаурядных мыслителей, как С. Франк, Л. Карсавин, Л. Шестов, И. Ильин...

Так принцип партийности в философии одержал одну из своих первых блестящих побед. Что же было дальше?

«С Марксом, как примерно с тобой». Академики и другие

А дальше было примерно то же самое. Как обозначил Ленин в одной из своих программно-погромных статей, диалектический материализм, по определению, должен был быть материализмом воинствующим. Не побуждаемая к борьбе, не возбуждаемая призывами к борьбе, не приводимая в ярость образом врага философия диалектического материализма не просуществовала бы и дня. При этом борьба с буржуазной идеологией, будучи, так сказать, магистральным направлением советской философии, разветвлялась в разные периоды на множество стычек и схваток: «меньшевиствующий идеализм», «вульгаризация марксизма», «механизм», «идеологическое вредительство в естествознании», «формализм в искусстве»... Оценивая состояние диалектического материализма к середине 30-х годов, В. Вернадский (один из немногих, сохранивших право на независимость суждений) констатировал наличие «огромной литературы (разрядка моя. — В. С.), выискивающей сознательные и бессознательные ошибки и ереси, уклонения от официально признанной государственной философии»⁶.

⁵ Согомонов А. Судьба и пророчества Питирима Сорокина. В кн.: Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992, с. 17—18.

⁶ Цит. по: Мочалов И. Творчество В. И. Вернадского и философия. «Философские науки», 1988, № 4, с. 104.

Естественно, «сволочь идеалистическая» в этой борьбе по-прежнему была главной мишенью. А поскольку действительный идеализм был либо изгнан, либо затравлен, для поддержания боевого духа его следовало выдумать. Само слово «идеализм» следовало окружить почти подсознательным, почти сакральным страхом. Так оно и было. Один из героев известной пьесы А. Афиногенова «Страх» говорит: «Мы живем в эпоху великого страха. Молочница боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинений в уклоне, научный работник — обвинений в идеализме». Не будет слишком сильной гиперболой сказать, что, спустя некоторое время, не только интеллигент, но и крестьянин, и молочница могли быть обвинены в идеализме.

Имела ли эта растянувшаяся, на десятилетия изнурительная борьба хоть какое-то реальное содержание? Увы, усмотреть его практически невозможно. Опубликованные недавно материалы нескольких философских дискуссий 20—30-х годов («Философские науки», 1991, №№ 5, 6, 9, 10; 1992, № 1) оставляют тягостное впечатление не только из-за отсутствия философской культуры, но и из-за элементарной безграмотности. Фактически каждый участник дискуссии обвинял своих оппонентов в отступлении от марксизма-ленинизма и старался показать, что уж он-то «с Марксом, как примерно с тобой».

Нужно отметить и тот факт, что все эти «дискуссии» не имели ни малейшего отношения к сотрясавшим страну политическим и экономическим процессам, они были насквозь схоластичны. Сравнивая советскую философию со средневековой (отнюдь не в пользу первой), можно сослаться на показательный эпизод, описанный Г. Галилеем в его «Диалоге о двух главнейших системах мира». Анатом как-то продемонстрировал схоласту, что нервы животного сходятся в мозгу, а не в сердце, как учил Аристотель. Ответ схоласта был поистине удивителен: «Вы мне показали все это так ясно и осязательно, что если бы текст Аристотеля не говорил обратного, а там прямо сказано, что нервы зарождаются в сердце, то необходимо было бы признать это истиной». Схоласт был информационно иммунен ко всему, что не соответствовало высказываниям Аристотеля. Советская философия возродила этот средневековый сюжет на новой предметной основе усилиями огромной армии новоявленных схоластов. Роль аристотелизма сыграли труды Маркса, Энгельса, Ленина.

(Не хочу этим сказать, что в философии советского периода вообще не было добросовестных ученых, по своему профессиональному уровню соответствовавших, как принято выражаться, мировым стандартам. К известным именам В. Асмуса, А. Ахманова, А. Лосева можно было бы добавить еще несколько. Увы, их деятельность концентрировалась преимущественно в области истории философии, формальной логики, теории познания — как бы на периферии философской жизни, не говоря уже о том, что ученые этой ориентации, неоднократно подвергавшиеся гонениям, постоянно находились под угрозой очередных обвинений в идеализме, формализме и т. п.)

Возвращаясь еще раз к семантической эволюции термина «партийность», замечу, что хотя теоретически он был окружен неким мировоззренческим ореолом, на практике всегда принимался во внимание прежде всего его исконный смысл. Во-первых, членство в партии почти всегда было необходимым элементом социального статуса общественного деятеля, а во-вторых, сам принцип партийности выродился в неприкрытое лакейство перед руководством партии и проводимой им политикой. Более всего преуспели в этом «бессмертные», как во Франции называют академиков. Академики-обществоведы у нас фактически назначались. По свидетельству А. Лариной, ее отцу, который был всего лишь хозяйственником, как-то позвонил Сталин и сказал: «Товарищ Ларин, в ближайшее время вы будете избраны действительным членом Академии наук СССР». Можно представить, как, пригласив в свой кабинет группу философов, отличившихся в борьбе с призраком идеализма, и раскуривая свою легендарную трубку, Сталин говорил им: «Ти будышь академик. И ти, и ти... А ти пака нэ будышь. Заслужит нада у партии». Заслужить у партии — это и стало фактическим содержанием принципа партийности⁷.

⁷ Хотя сопротивляться этому было практически бесполезно, нельзя не упомянуть мужественные поступки некоторых ученых-естественников. И. Павлов открыто говорил Бухарину, что не признает его достижений в философии и считает недостойным звания академика. Вернадский не только выступил против избрания в академики А. Деборина, но и писал в связи с этим, что «в общем мировом аспекте диалектический материализм мало заметен в современной философской мысли».

Три направления в практической деятельности ведущих советских философов заслуживают специального внимания. Прежде всего это составление знаменитых «кратких биографий» вождей (в качестве особой заслуги подобная деятельность отмечается в справках об академиках П. Юдине и М. Митине даже в одном из последних изданий «Философского энциклопедического словаря»). Далее, это создание различных обществоведческих учебников, по числу которых наша страна, безусловно, занимает первое место в мире (оно и неудивительно: ведь надо было обеспечить не только вузы и школы, но и огромную сеть принудительного обучения в так называемом политпросвещении). Начало этому направлению положил Бухарин. Его известная «Теория исторического материализма» представляет собой набор обычных марксистских трюизмов: «Социальные науки имеют классовый характер», «Между различными рядами общественных явлений происходит непрерывный процесс взаимодействия» и т. п. Наконец, назовем и третье «плодотворное» направление — непосредственная причастность к репрессивным акциям в виде скрытой фискальной деятельности и открытых доносов в газетных и журнальных статьях, где разоблачалось «идеологическое вредительство». Архивные материалы, раскрывающие эту сторону деятельности академиков Митина, Юдина, Ф. Константинова, опубликованы недавно в «Философских науках» (1992, № 1).

Не будем пренебрегать этим третьим направлением философского «творчества». Не только потому, что это факт, а из песни, как говорится, слова не выкинешь. И не потому, далее, что вплоть до 80-х годов так называемые религиозные судебные процессы, контролируемые КГБ, проходили при неременном участии экспертов — докторов и кандидатов философских наук, из коих некоторые, успешно выполнив свой партийный долг, благоденствуют в нашей среде до сих пор. Дело в том, что связь между «тонким» и «грубым» (собственно философским и сугубо политическим) пониманием принципа партийности гораздо глубже, нежели может показаться на первый взгляд. Второе (организационно-партийное, практически-политическое) его прочтение не является только вульгаризацией первого. В качестве реальной возможности оно было заложено в некоторых положениях самого первоначального марксизма.

Речь идет о свойственном марксизму инструментальном подходе к философии.

Должна ли философия изменять мир?

Самый короткий из «Тезисов о Фейербахе» Маркса оказался также и, вероятно, самым знаменитым: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Кажется, никакое другое положение марксистской философии не воспроизводилось столь часто и в сопровождении столь восторженных комментариев. Между тем восторгаться тут было нечем. Ничего хорошего это положение в перспективе не сулило ни философии, ни обреченному на «изменение» человечеству.

Я уже обращал внимание («Новый мир», 1990, № 8) на сомнительную корректность первой части формулы Маркса, огульно приписывающей только пассивно-объяснительную функцию всей без исключения «старой» философии. Что же касается второй части высказывания, то, как выяснилось, функцию «изменения» марксистская философия без ложной скромности взяла на себя. Ведь это именно она осчастливила человечество — создала так называемое материалистическое понимание истории, раскрыла закономерности социального прогресса и позволила заглянуть в будущее. Ну а дальше все было предельно ясно: пролетариат, становясь «могильщиком буржуазии», предварительно обретал в новой философии свое духовное оружие, она же в нем — материальное.

Марксизм со свойственным ему оптимизмом преодолевал «ограниченность» предшествующей философии тем, что становился не просто политической, но в определенной степени и мировоззренческой концепцией борьбы человека с человеком на основе классовой дифференциации общества. Шуточная семейная анкета, в которой основоположник на вопрос дочери о смысле жизни ответил коротким словом «борьба», через какие-то полвека обнаружила отнюдь не шуточную изнанку. По своей глубинной философской сути марксизм оказался *борьбизмом*.

Не хочу быть превратно понятым. Не утверждаю, что диалектический материализм во всех своих элементах был философией, прямо зовущей к топору. И не разделяю мнения,

что без Маркса не было бы ни Ленина, ни Сталина. Но возможность прочтения марксистской философии как философии борьбизма оказалась слишком реальной. Не исключено, что не будь марксизма, философской и идеологической основой ленинизма и большевизма стала бы какая-нибудь иная мировоззренческая концепция. Но марксизм с его философией, с его борьбистскими идейными мотивами пришелся удивительно ко времени. Незадолго до революции Ленин, характеризуя марксизм в целом, подчеркивал «замечательную последовательность и целостность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм как теорию и практику рабочего движения» (разрядка моя.— В. С). Как видим, философская основа практики (а сегодня мы слишком хорошо знаем, что это была за практика) здесь не забыта. И так ли уж примитивен революционный матрос Швандя из пьесы Тренева «Любовь Яровая» — тот самый, который, подобно грядущим советским академикам, был «с Марксом, как примерно с тобой», — так ли уж он примитивен в своей простодушной интерпретации марксизма: «Покель весь капитал не прикончу»?

Характерной особенностью большевизма всегда был прагматический подход к решению любых проблем. Это сказалось и на философии. Последними словами поноса американский прагматизм за его якобы утилитарный подход к теории (что, кстати сказать, не соответствовало действительному содержанию взглядов таких незаурядных мыслителей, как Ч. Пирс, У. Джемс, Д. Дьюи), советская идеология на деле исповедовала инструментальные принципы оценки философского мышления. Верх примитивизма и прагматизма был достигнут тогда, когда, с одной стороны, от философов стали требовать постоянного «развития» теории применительно к любой злобе дня, а с другой стороны, это самое «развитие» каким-то образом усматривалось в... решениях партийных съездов, каждый из которых, по определению, был историческим. И непременно после каждого съезда появлялась толстенная монография тех же академиков и их прилежных учеников со стереотипным названием «Развитие диалектического материализма в решениях такого-то съезда КПСС».

Но при подобном отношении к философии и принцип партийности допускал самое широкое толкование, выходящее далеко за пределы собственно мировоззренческой проблематики. Философия и практика быстро смешались до неразличимости. И уже на заре так называемого социалистического строительства новоявленные философы, множась в неимоверном количестве, принялись в соответствии с формулой Маркса «изменять» многое вокруг себя. Кое-где сначала даже в кожаной куртке и с маузером на боку. После политотделов при МТС — в знаменитом Институте красной профессуры (типичная для многих обществоведов биографическая деталь). В комакадемиях и коммуниверситетах. В высших и просто партийных школах разных рангов. И не было препятствий (владея материализмом в сочетании с диалектикой) для вмешательства в дела литературы и искусства, психологии и педагогики, кибернетики и даже (иногда) физики. И почему же было — твердо зная, что религия, во-первых, опиум народа и, во-вторых, разновидность идеализма — не выступить на судебном процессе, где заранее предопределена была участь какой-то группы «мракобесов»? И почему не написать дышащий суровой правдой и в то же время профессионально выполненный философский донос на впавшего в идеалистическую ересь коллегу?..

Есть люди, которые до сих пор убеждены, что все это было лишь извращением марксизма. Они придерживаются разных версий, разных летоисчислений относительно истоков этих извращений — одни видят начало в сталинщине, другие связывают истоки со становлением ленинизма-большевизма еще в предреволюционные годы. Но и те, и другие возражают: а Маркс-то здесь причем? Разве, выступая против «созерцательной» философии, он в принципе не был прав? Нужна ли философия, оторванная от практики, не стремящаяся изменить мир? Не станет же автор утверждать, что скромный удел философии в том, чтобы «лишь» объяснять мир?

Со всей возможной решительностью отвечу: да, именно это и стану утверждать! И даже поправлюсь, даже уточню: задача философии в том именно и состоит, чтобы лишь пытаться объяснить мир. Ибо «исчерпывающими» объяснениями (в том числе и в диалектическом материализме с его принципом материальности и пресловутыми «законами диалектики») мы сыты по горло.

Не стану вдаваться в бессмысленный схоластический спор о связи философии с практикой. (Потому схоластический, что философское обобщение практики всегда селективно, избирательно и — применительно к сложным проблемам — способно приводить к противоположным

решениям. Как сторонники, так и противники бытия Божия до сих пор безуспешно апеллируют к «практике».) Замечу лишь следующее. Вся история философии — с того еще времени, когда первые философы были одновременно мореплавателями, купцами, виноделами, геометрами, врачами — есть история постепенного отделения и последующей все большей профессионализации именно «объяснительной» или даже, если угодно (скажу это в пику всем марксистам), «созерцательной» функции человеческого Духа. Возможное привлечение философии к «изменению» мира всегда вторично, факультативно. Философия существует не для какого-то класса с его «великой исторической миссией», не для реализации чьих-то социальных интересов. Она существует как одна из высших потребностей Духа, его устремления к тайнам мира. К Бытию, к Трансцендентному, к Вечности, к Богу (безотнositельно к конкретным мировым религиям).

Только этим и можно объяснить жизнь философии в ситуациях, когда для ее носителей она становилась практически бессмысленной, не способной улучшить существование или даже спасти от верной гибели. Не только в тоге под голубым небом Эллады, не только в средневековой мантии и не только в профессорском сюртуке на кафедре современного университета, а в фашистской тюрьме, в промерзшем лагерном бараке и в рваном ватнике (беседы Флоренского или Карсавина с их «учениками») являлась человеческому Духу самая высокая философия.

Поистине лишь политическим затмением, характерным для большого, увы, периода нашей истории, можно объяснить, почему философия, одна из высших форм творческого самовыражения человека, была сочтена инструментом революционного изменения мира, а затем еще и опозорена словом «партийность».

И опять баба сама коси?..

Мне говорят, что вопрос о партийности, да еще и философии, в наше беспартийное время устарел, потерял актуальность. Не могу с этим согласиться.

Я заканчиваю эти заметки в дни работы VI Съезда народных депутатов России. К тому времени, когда они (как я надеюсь) будут опубликованы, вероятно, забудутся сотрясавшие съезд политические страсти и тем более разные мелкие эпизоды. То, например, с какими трудностями текст новой Конституции освобождали от выражения «коммунистические идеалы». Или то, как депутаты сопротивлялись конституционному закреплению «нового» имени за тем городом, который А. Пушкин, объясняясь ему в любви, назвал «Петра творенья». Наконец, и то, как упорно ставился вопрос о «раздрапировке» статуи Ленина, в осенений которой до тех пор проходили все съезды.

И дело тут не в том, что именно Ленин был фанатиком идеи партийности и, как уже говорилось, осуществил тот семантический сдвиг, который впоследствии позволил толковать это понятие как угодно широко. Дело не в том, что идея партийности до сих пор так или иначе присутствует в общественном сознании. (Уже упоминавшийся учебник «Введение в философию», которому не исполнилось и двух лет, открыто ссылается на принцип партийности, апеллируя к авторитету Ленина. И уж во всяком случае нет у меня сомнений в том, что прожившие долгую жизнь в условиях старой системы профессора и доценты, особенно в провинциальных вузах, по-прежнему «танцуют» от ленинской двухпартийной — материализм против идеализма — философской «печки». Они по-другому просто не умеют.) И даже не в том дело, что не так давно крупный литературовед, тоскуя, видимо, по незабвенным временам, заявил: «Партийными были и Гомер, и Шекспир, и Сервантес, и Толстой».

Дело, повторяю, не в этом, во всяком случае не только в этом. Партийность есть некий стойкий дух, пропитавший общество по горизонтали и вертикали, ввевшийся в него, как гарь тех ждановско-сусловских идеологических костров, на которых многие годы сжигались еретики от литературы, искусства, философии.

Это дух борьбы, угнездившийся в наших душах, умах и словах. Это — *смело, товарищи, в ногу; кто не с нами, тот против нас; должен пасть во имя светлого будущего; пролетарии всех стран; состоял ли в оппозиции; сволочь идеалистическая; а паразиты никогда; моральный кодекс строителей коммунизма; если враг не сдается; грандиозные планы пятилеток; идеологическая диверсия; вся наша страна требует*

расстрелять как поганых псов; на расширенном пленуме горкома; в сети партийно-политического образования...

Наивно думать, что все это бесследно исчезло. Присутствуя в последнее время на разных совещаниях преподавателей философии, я часто ловлю себя на мысли, что передо мной экспонируются результаты археологических раскопок, которые, однако, рассматриваются как вполне пригодные к «употреблению». А возвращаясь с утренних пробежек, ежедневно читаю на заборах, на стенах гаражей: «демократия — это нищета и безработица», «наше будущее продано буржуйам», «нами правят мафиози и капиталисты». И еще: «верните нам социализм!». И уж совсем родное, партийное: «к стенке» (Горбачева, Ельцина, Гайдара — тут разные варианты, не влияющие на накал партийных страстей).

Содержание таких лозунгов — вторично по отношению к неопределенному, но всегда наличествующему духу партийности. Ибо партийность — это антитолерантность, это ксенофобия в разных вариантах (в зависимости от противопоставления «партий»). Это постоянная борьба, в которой ради высоких целей не гнушаются никакими средствами и со временем сами средства (прежде всего уничтожение всех, «кто не с нами») превращаются в цель. Это борьба, в которой главной целью, в конце концов, рано или поздно становится сама борьба.

Собеседник матроса Шванди в последней своей реплике неплохо выразил суть принципа партийности.

С В. Свинцов. 1993